

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Иллюстрация на обложке аconitte
Дизайн обложки Юлии Данилиной, Ксении Щучкиной

Суздальцева, Эльвира.
С89 Небесная канцелярия : [роман] / Эльвира Суздальцева. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 448 с. — (Young Adult. Ангелы и демоны).

ISBN 978-5-17-162435-4

В огромном учреждении роботники трудятся день и ночь, не складывая крыльев, и благо людей.

Ангел смерти Аврелий идёт против системы в самом консервативном подразделении Небесной канцелярии. Творец Тин в череде перерождений меняет мир к лучшему. Когда они получают задание отыскать погибшую Мечту, это становится стоящей проверкой профессионализма. Исполнить просьбы мёртвых и призраков, вернуться в прошлое, бросить вызов смерти и найти ответ на вопрос: как должно быть желание, способное изменить целый мир?

Возьмите талончик очереди у ангел-секретаря — и добро пожаловать в Небесную канцелярию!

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162435-4

© Эльвир Суздальцев, 2024
© аconitte, иллюстрация на обложке
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Часть I

Перерождение

Договор

Аврелий и случайная клиентка

— Заколебали вы меня, вот что...

Я вскрикнула от неожиданности и едва удержала равновесие на табуретке, что в моей ситуации было верхом абсурда. Но должна же я понять, откуда раздался голос в запертой на замок квартире!

У распахнутого окна стоял ангел смерти и с видом закоренелого меланхолика протирал меч замшевой тряпочкой. Медленно, от рукоятки к острию. Шур-р. Шур-р... Чёрный плащ, чёрные крылья — фактически классика жанра.

Я прочистила горло и автоматически поправила петлю на шее.

— Хорошо закрепила? — кивнул он на крюк в потолке, на котором раньше висела люстра.

— Ага...

— Ну-ну. А чего такой способ примитивный выбрала? Прикинь только: язык до груди, глаза вылезут, зелёная вся, в рвоте и... других неприятностях. Хочешь, чтоб тебя такой запомнили? Хоть бы вены вскрыла, что ли, всё утончённее, чем вот это.

— Спасти могут! — принялась я защищаться. — И от таблеток откатать можно, а стреляться мне не из чего! Из окна броситься не могу, я высоты боюсь. Извини уж, что есть, зато с гарантией.

— А-а, ну да.

Он умолк и снова прошёлся по мечу. Тряпочкой. Я тоже молчала. Не кофе же ему предлагать, в самом деле!

— И на себя посмотри, — продолжил ангел, окинув меня таким презрительным взглядом, что мне немедленно захотелось дать ему по морде. — Кто ж вешается в розовых тапочках и пижаме, а? Хоть бы платье симпатичное надела, бельё там кружевное, причёска-помада. Маникюр бы сделала. Кстати, когда ты его делала в последний раз?

Я стыдливо спрятала руки с обгрызенными ногтями за спину.

— Три месяца назад... Да какое тебе дело вообще?!

— А надо раз в две недели! — Он положил меч на подоконник и посмотрел на меня в упор. — Выкладывай. Что случилось-то?

Я порывалась послать его подальше, но... кому ещё расскажешь?! Быть может, это мой последний шанс излить душу. Хотелось разразиться слезливой речью, но в голову пришло только несколько слов:

— Я люблю одного человека. Безнадёжно.

Ангел понимающе покивал и спросил:

— А он об этом знает?

Я опешила.

— Он?... Ну... нет... то есть... просто я... в смысле, он... там сложно всё.

— Сложно — это интегралы на уроках математики брать. А для того, чтобы пойти и поговорить с человеком, у тебя всё есть: и голос, и ноги. Заметь, этим тоже, увы, не каждый наделён.

— Как это — поговорить?! Нет-нет-нет!!! Лучше смерть!

— Да я уже понял. В мире людей трусов и лентяев на квадратный метр больше, чем тараканов.

— Что-о?

— Что слышала. Конечно, повеситься — это раз плюнуть! Пряг — и готово. А поговорить, признаться, в глаза посмотреть — тут смелость нужна, уверенность.

— Ты хочешь сказать, что я трусливая и неуверенная?

— Я-то ничего не хочу, ты сама уже всё сказала.

Мы помолчали. Я теребила верёвку, он разглядывал свои руки в чёрных перчатках. Потом поинтересовался:

— А у тебя мечта есть? Страсть, увлечения? Музыку пишешь, сарафаны шьёшь, игуан разводишь?

— Да.. у меня было много мечт... мечтаний.

— Сбываются?

— Ну... через раз. Да какая разница, говорю же, я люблю...

— Что ты заладила: «Люблю, люблю»! Я вот жареные хвосты саламандр люблю, а их знаешь, как достать сложно? Только контрабандой. Короче, слушай.

Ангел простучал сапогами по линолеуму, оставив следы грязи. Вот зараза, я ведь только сегодня утром полы вымыла! Отодвинул от стола стул, сел, переложил в сторону стопку книг и сделал приглашающий жест:

— Может, присядешь?

Мне даже в голову не пришло возмутиться тем, что меня в собственном доме за собственный стол приглашают присесть. А вы как поступили бы, если бы к вам за секунду до самоубийства заявился ангел смерти с мечом в руках и принялся читать нотации?! Вот и я сняла петлю с шеи, закинула её на крюк, слезла с табуретки, придвинула её к столу так, чтобы оказаться точно напротив неожиданного собеседника, и села.

Он щёлкнул пальцами. На столе вспыхнуло пламя, и появились два жёлтых, старых на вид свитка. Поморщившись, ангел смахнул огонь и сдул на пол пепел.

— Как же у нас любят эту мишуру... — буркнул он и продолжил уже деловым тоном: — Есть предложение. Если ты его примешь, выиграем оба. Объясняю. Вы своими самоубийствами рубите нам месячные и годовые планы под корень. Одна душа самоубийцы автоматически снижает показатели на пять обыч-

ных душ, но забирать вас всё равно надо, деваться некуда. Плюс вы не внесены в план, и работать нам приходится внеурочно. Запарка нереальная. В результате под конец года попадают все. Отчёты горят, зарплату режут, об отпуске и подумать нельзя.

Я невольно прониклась сочувствием. И правда, выглядел он ужасно замордованным, особенно вблизи.

— Может, кофе хочешь? — спросила я, вспомнив, наконец, кто в доме хозяйка.

— Не откажусь, — вздохнул ангел.

Пока я возилась с кофеваркой, искала печенье в шкафу и накрывала на стол, мой гость тщательно сверял записи в обоих свитках.

— Теперь ты, — произнёс он после того, как чашка опустела. — Молодая, красивая и, в принципе, ещё можешь жить и жить. Но дело твоё, открыто вмешиваться не имею права. Реальный отведённый тебе срок кончится... — он слегка прищурил глаза, — нет, не скажу когда, но точно не скоро. Забирать твою душу сейчас я не хочу, на мне и без того три выговора висят. Поэтому предлагаю сделать так.

Ангел щелчком отправил один из свитков на мой конец стола. Я развернула бумагу. Вверху красивым ровным почерком было написано: «Договор». Потом шло несколько пунктов почерком помельче, в самом низу стояла сегодняшняя дата и прочерчены два места для подписи.

— Один год. Триста шестьдесят пять дней, — комментировал ангел, пока я читала условия. — В течение этих дней ты делаешь всё, чего боялась раньше. Совершаешь всё, что хотела бы совершить перед смертью. Всё, что взбредёт в голову, без оглядки. В частности, в обязательном порядке разбираешься со своей любовью. И вписываешь это на обратную сторону. По пункту на день.

Я перевернула лист. Там стояли номера от одного до трёхсот шестидесяти пяти.

— Места мало, но можно коротко, аббревиатурами, в общем, чтоб потом расшифровать смогла. Ровно через год я к тебе приду

и, если вся обратная сторона будет заполнена, заберу твою душу без вопросов. Только не халтурить, нечестные записи увижу сразу. Один день — одно действие. Тебе нечего бояться и нечего терять. Какая разница, умрёшь ты сейчас или через год? Но могу пообещать: этот год получится очень интересным. Если же в списке будут пропуски или — ну мало ли! — ты просто передумаешь, то ещё раз угостишь меня кофе, и мирно разойдёмся до лучших времён.

Я снова посмотрела на лицевую сторону. Пункт «В случае невыполнения условий настоящего договора исполнителем последний обязуется предоставить заказчику 250 мл готового кофе» значился под номером 3.1.

— Смерть или кофе? — улыбнулась я. Предложение хоть и отдавало сумасшедшим домом, но звучало заманчиво. И правда, много ли мне терять?

— Типа того. Итак, что скажешь?

— Подписывать кровью? — поинтересовалась я.

— Откуда эти средневековые зверства? — Ангел закатил глаза. — Держи.

Он протянул мне элегантную чёрную ручку.

В торжественном молчании мы подписали оба экземпляра и обменялись рукопожатием.

— Спасибо за кофе. — Спрятав свой свиток за пазуху, ангел встал, взял меч и накинул перевязь. Эффектным жестом пригладил длинные волосы и расправил крылья. — Я рад, что мы пришли к соглашению. Кстати, милые тапочки. И если позволишь, маленький совет, — он уже стоял на подоконнике, готовый взлететь, — на твоём месте я всё-таки начал бы с белья и маникюра.

Я ахнула от такого хамства, но в проёме окна уже виднелись лишь бегущие по вечернему небу облака.

Ангел смерти сидел на берегу озера и разговаривал по разбитому мобильному телефону:

— Лана, привет. Как там у тебя? Что? Из петли вытацила? А скажи-ка, где ты его нашла, проверить кое-что хочу. Так.

Ого... стой, дай угадаю. Безнадёжно влюблён, да? И признаться боится? Вот так совпадение. Договор подписал? Что? Долго упирался, но подписал? Класс. Если они друг другу признаются, мы с тобой ещё и показатель массовой доли счастья поднимем. Я же говорил, у проекта огромный потенциал. Ладно, у меня сегодня ещё трое. Кофе? Конечно, буду, что за вопросы!

Перерождение

Кэт

— Вот что мне с тобой делать? — в который раз с отчаянием спросил папа.

Я неопределённо дёрнула плечами, разглядывая узорчатый потолок.

— Это же какой-то кошмар, — продолжал он. — В первый раз повесилась. Второй — отравилась. Третий — застрелилась. Это ж надо было пистолет где-то найти!

— У меня муж в органах служил, — меланхолично сообщила я и выдула огромный розовый пузырь.

— Ну а теперь что?

Гарик, папин секретарь, откашлялся и, поправив очки на носу, прогнусавил:

— Спрыгнула с крыши девятиэтажного дома. Предварительно оставила записку: «Никого в моей смерти не винить. Жизнь бессмысленна. Я устала. Прощайте». Ещё цветочек внизу подрисован.

— Какой пафос! — Папа воздел руки к потолку. — Какая безвкусица! Дочь, мне стыдно коллегам в глаза смотреть! От кого ты этого набралась?!

Я опять пожала плечами. Симпатичный чертёнок, который проходил у нас практику, нахально подмигнул мне из-за

папиного плеча. Решив разобраться с хамом позже, я пошла в атаку:

— А может, хватит меня запихивать в одно и то же место и время?! — заголосила я, упирая руки в бока. — Никакого разнообразия: машины, стройки, куры, алкоголики! Никаких стимулов к жизни, никаких надежд! А ещё очкастого этого куратором приставил!

Гарик с осуждением покачал головой и аккуратно вложил в личное дело мою предсмертную записку.

— Не хочу в двадцатый век! Не хо-чу! Вон Анька с эльфа-ми уже третье перерождение тусуется! А Сашка в прошлый раз крестовый поход возглавил! Тинку в позапрошлый на костре сожгли за великое открытие! А мне что? Деревня Кукушкино, муж-алкоголик и смерть от саркомы?! Это нечестно! Ну папа!

Я топнула каблукком. Полосатый гольф опять сполз на щиколотку. Я наклонилась и вызывающе подтянула его.

— Что за манеры, — вздохнул папа. — Доченька, не могу я тебя в другое время отправить. Это расписано, понимаешь? Теперь не имею права баланс нарушать, мне босс голову оторвёт.

— У твоего босса уже давно маразм в прогрессирующей форме! — дерзко заявила я, на всякий случай оглядевшись по сторонам. Гарик стоял как истукан, старательно делая вид, что ничего не слышал.

— Слов-то каких нахваталась, — покачал папа головой. — Доченька, послушай, проживи нормально хоть одно воплощение. Только одно, от начала до конца — и, обещаю, следующее ты выберешь сама, какое только пожелаешь.

— Да?! — И пусть я давала себе слово не реветь, но нос сам собой предательски захлюпал. — Легко сказать, когда сидишь в своём кабинете и все миры перед глазами. И ты точно знаешь, что они есть, и что жизнь после смерти есть! А там... а там...

— Никому не легче, — назидательно заметил папа. — Ты же сама этого захотела. Теперь терпи, куда не денешься.

Я не выдержала и разревелась, за неимением носового платка утирая слезы концом косички.

Вдруг распахнулась дверь. В кабинет влетел Мишка в неизменной чёрной бандане.

— Шеф! — зачастил он с порога. — Там у Врат опять беспорядки. Сотня душ внеочередных ломится. Говорят, перевели. Что делать?

Я быстро смахнула слёзы и кокетливо улыбнулась. Мишка зарделся и одёрнул потёртую кожаную косуху.

— Как же мне всё это надоело! — Папа закрыл глаза ладонью, и мне на миг стало его жалко. — Сколько раз говорил боссу: не садитесь с рогатым в карты играть, обставит. Вот куда их девать, своих селить негде... Да что уж поделаешь, запускай. Только по одной и строго с документами. И приведи себя в порядок, Михаил! Хоть голову вымой и черепа из ушей вынь. Души пугаются, думают, дверьми ошиблись.

Мишка выбежал, одарив меня на прощание влюблённым взглядом. Папа сел за стол и задумался, почёсывая лысеющий лоб.

— Пап? — робко напомнила я о себе.

— Что «пап», ну вот что «пап»?! — взорвался он. — Думаешь, папе легко на этой собачьей работе? Папе на пенсию давно пора и на курорты! Девочка моя, тебе там отведено всего пятьдесят четыре года! Неужели так сложно?

Я угрюмо кивнула.

— Сил моих больше нет...

Папа принялся разбирать разбросанные по столу документы, а я решила предпринять ещё одну попытку.

— А можно, чтобы я помнила, кто я? И чтобы точно знала, что есть жизнь после смерти?

— Не положено! — не поднимая глаз, отрезал он.

— А ты не мог бы хоть иногда мне сниться?

— Не положено.

— Пап... хотя бы... дай мне хоть вот столечко веры, а? Ну что тебе стоит?

— Не положено! — буркнул папа, перелистывая объёмистый журнал. — Сколько народу без веры живет — и ничего... Разбаловалась!

Я покорно молчала и умоляюще хлопала ресницами. Чёртик-практикант передразнивал меня и корчил рожицы.

— Ладно! — Папа несильно хлопнул ладонью по столу. — Гарольд, выдайте этому наказанию порцию веры!

Гарик засеменил к сейфам.

— И учти, — папа погрозил мне гусиным пером, — если вернёшься раньше срока, выпорю, как соплячку. И Мишку твоего заодно!

— А за что...

— А за то, что будто я не знаю, как вы под Вратами целуетесь! Маленькая ещё.

Гарик вручил мне ещё тёплый оранжевый квадратик, на котором завитушками лимонного джема было выведено «ВЕРА».

— И это всё? — Я недоверчиво наморщила лоб.

— А что ещё?! — окончательно вышел из себя папа. — Всё! Иди отсюда, не мешай работать! И чтоб глаза мои тебя ближайšie пятьдесят четыре года не видели!

— Тридцать пять! — попробовала я поторговаться.

— Вон!!!

— Я люблю тебя, папочка! — пискнула я уже от двери.

У Врат я уселась на облако, свесив ноги. «В-Е-Р-А», — ещё раз задумчиво прочитала, вздохнула и с аппетитом съела вкусную печенюшку. Мишка подбирал на гитаре какой-то противный скрипучий мотив. Обложка контрабандного самоучителя была украшена аляповатой пентаграммой. Огненный меч пылился, прислонённый к дереву.

— Не уговорила? — сочувственно поинтересовался он, созерцавая мой унылый вид.

Я только руками развела.

— Марь Ванна! Марь Ванна! Мальчишка у вас! Да хорошенький какой!

— Подспорье будет! Сестрёнкам защитник!

«Ну хоть на этом спасибо, папа», — обречённо подумала я, готовясь к потере памяти и первому в своей очередной жизни вдоху.

Прямолинейное чудо

«Уволят-уволят-уволят!.. А-а-а-амброзией мне подавиться, если шеф ещё не подписал приказ! А, чёрт, тьфу, в смысле, неловко-то как вышло! Первое нормальное дело — и вот как так, провал, катастрофа, выпускайте всадников апокалипсиса, всё кончено! И в самом конце года, когда отчёты сдавать! Всё же продумал, всё устроил, ну что им, татуировки на лбах выбить: «это Он» и «это Она»?!. Что им ещё надо?! Всё, прощай, карьера, пойду в дворники, звёзды отмывать...»

Ангел-стажёр в отчаянии ходил туда-сюда по кабинету, мял в руках документы и пытался придумать, как исправить ситуацию. Через час шеф ждал его с отчётом. Но задание было безнадежно провалено.

Парень и девушка сидели в кафе и старались не смотреть друг на друга. Оконные стёкла переливались морозными узорами. На столах горели свечи в стаканах. Блестели новогодние украшения, из динамиков звучала музыка, а официанты щеголяли в красных колпаках. Предпраздничное настроение было заметно в каждой мелочи.

Молодой человек машинально протирал очки, которые и без того уже сверкали. Девушка, спрятавшись за светлыми волосами, складывала из салфетки журавлика.

— Что же, Дим, — произнесла она, когда молчание затянулось до невозможности, — это твоё решение. Счастья тебе тогда.

Смяла и отшвырнула журавлика, над которым столько трудилась. Не поднимая головы, нащупала за спиной сумку.

— Лена, постой, — всполошился Дима. — Но ведь мы останемся друзьями? Друзьями в любом случае, да?

Она украдкой вытерла щёки.

— Друзьями? Да. Да, конечно... прости... мне пора..

Она встала и, не оборачиваясь, направилась к двери. Он не провожал её взглядом, смотрел в чашку с нетронутым кофе.

Перед аудиенцией юный ангел три раза пробежал по толку, забраковал три оправдательных монолога, побился для приличия о стену и, героически вздохнув, скрылся в наводящем мурашки кабинете. По приёмной летали нарядные свечки, а на диване дожидались своей очереди ещё два сотрудника с папками в руках. Беловолосого ангела в элегантном светлом костюме звали Пафнутий. Второй, Леонард, щеголял жёлтыми очками, фиолетовым ирокезом на голове и мощными кожаными ботинками.

Ангелы швырялись дротиками в украшенную гирляндой мишень, чтобы скоротать время.

— Опять молодняк прокололся, — заметил Пафнутий, когда дверь за новичком закрылась. — Интересно, что там у него?

— Что-что, — усмехнулся Леонард и послал дротик точно в десятку. — Это из нашего отдела стажёр. Всё как всегда: двое друг друга любят, но решают остаться друзьями. И никак ты от них не добьёшься, почему. Если хочешь засыпать кого-то — вернейшее задание, таких ничем не проймёшь. Проще маньяка перевоспитать и волонтёром в благотворительность отправить, чем людям доказать, что им нужно быть вместе.

— Да уж, знаю таких. Может, глянем, заодно развлечёмся? Есть же парочка средств, если там не совсем безнадёжно.

— Хм... можно.

Ангелы дружно метнули дротики в воздух, сбив две свечки, и вышли из приёмной.

Девушка брела по предновогоднему городу мимо уличных музыкантов и подмигивающих из каждой витрины огнями ёлок. Она не обращала внимания на снежные хлопья, которые украсили плечи, иначе заметила бы, что, кроме снега, в бахроме шарфа путаются лёгкие белые перья.

— Лена! — услышала она за спиной, но не обернулась, только прибавила шаг. — Лена! Да стой же! Телефон! Ты телефон забыла!..

Она остановилась. Дима подбежал и, пытаясь отдышаться, протянул мобильный.

— Ты представляешь, — заговорил он, ничуть не обидевшись на её бесцветное «спасибо», — только ты ушла, ко мне за столик тип подсел такой... странный, в общем. Волосы белые до пояса, на шее цепь с перьями. Смотрит на меня в упор и говорит: «Если ты, Дмитрий Станиславович, сейчас же не догонишь свою любовь, знай, что это отразится на всём мировом устройстве, потому что из-за тебя уволят талантливого работника Небесной канцелярии, а ему ещё много чего улаживать, кроме ваших сердечных дел. А сам ты будешь всю жизнь жалеть о том, что натворил сегодня». И твой телефон на стол швыряет, а я же точно помню, как ты его забирала! Потом взял мой кофе, залпом выпил и в окно вышел, прямо сквозь стекло... Лен, не делай такие глаза, Лена, я не шучу и не сошёл с ума. Хотя, нет, наверное, сошёл, если наговорил тебе столько там, в кафе. Давай ещё погуляем, пообщаемся, смотри, какой снег! Новый год всё-таки на носу, отчего не может случиться чудо?..

Новогодний корпоратив был в самом разгаре: сияли огни, оглушительно гремела музыка.

— Тебе не кажется, что ты поступил чересчур прямолинейно? — Леонард привычным жестом взъерошил фиолетовый ирокез.

Пафнутий грустно улыбнулся догорающему бенгальскому огню.

— Возможно. Но ты ведь знаешь, как сложно что-то объяснить людям. Они не понимают намёков, не видят знаки и едва встретят счастье, бегут от него со всех ног. Бегут и кричат: «Не верю!» Я много таких повидал, но до сих пор каждая оборванная история любви ранит меня, словно неопытного стажёра. И так хочется, чтобы хотя бы раз в году, хотя бы для двоих всё стало предельно ясно. Один раз в год мы имеем право на прямолинейное чудо.

К ним подбежал юный ангел с празднично посеребрёнными крыльями.

— Представляете, меня повысили! Из-за этих влюблённых! Шеф говорит, давно не было, чтобы стажёр справился с таким заданием. А я ума не приложу, отчего так хорошо вышло, мне казалось, они расстанутся... наверное, правда, судьба. Ну, с наступающим!

Пафнутий и Леонард заговорщически переглянулись и подняли бокалы.

Репутация

В центре города, за столиком модного кафе, сидела девушка. Красивая, стройная, с идеальной кожей и удивительными волосами серебряного цвета. Глаза она старалась скрывать под длинными ресницами, но кому посчастливилось в них заглянуть, отмечал их необыкновенный сиреневый оттенок и безумную притягательность. Она была одета не по погоде: в лёгкое платье и босоножки. На спинке стула висела джинсовая куртка. Стояла осень, на улице шёл дождь. Перед девушкой лежал ежедневник, и она сверялась с записями. Было заметно, что она чем-то озадачена.

К столику подошла официантка.

- Готовы сделать заказ?
- Кофе, пожалуйста, — попросила девушка.
- Какой?
- Без разницы, любой принесите.

Официантка хмыкнула, развернулась и ушла, цокая каблуками. Через несколько минут она вернулась и поставила на столик простой чёрный кофе.

— Спасибо, — поблагодарила девушка. И, машинально посмотрев на официантку, замерла.

Официантка была худая, с пережжёнными краской волосами, лицом в резких морщинах и неприветливо поджатыми губами. Строгая укладка, чистая отглаженная форма, руки с коротко обстриженными ногтями. Девушка попыталась поймать взгляд официантки, и та не стала отводить глаз.

— Это линзы, — пояснила она, указывая на них тонким пальцем. — Народ пугался, пришлось купить.

— А какого цвета ваши глаза на самом деле? — тихо спросила девушка.

— Не помню, — отрезала официантка. — Я в зеркало только в линзах смотрюсь. Да, нечасто встретишь тут своих. Как зовут тебя?

— Лия.

— А я Шейла. Хочешь, поболтаем? Клиентов всё равно нет.

— Конечно... присаживайтесь.

Шейла устроилась напротив, сцепила руки и устремила на Лию пронзительный взгляд. Придирчиво осмотрев, прищурилась за её спину.

— Какие симпатичные крылышки.

— Спасибо.

— Только вон левое потускнело немного.

Лия испуганно оглянулась, пригладила крыло.

— Да... надо будет к косметологу сходить.

— Внешность для феи — самое главное. Ладно когда совсем девочка, а вот в твоём возрасте уже полагается тщательнее следить за собой.